

УДК 327

Н.М. Сирота, Г.А. Мохоров, Р.А. Хомелева

Sirota N.M., Mokhorov G.A., Homeleva R.A.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сирота Наум Михайлович, Государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП) (г.Санкт-Петербург).

Доктор политических наук профессор – Глава (в соавторстве)

Мохоров Геннадий Анатольевич, Военная академия связи имени

С.М.Будённого (г.Санкт-Петербург). Доктор исторических наук, профессор -

Глава (в соавторстве)

Хомелева Рамона Александровна, Государственный университет аэрокосмического приборостроения (ГУАП) (г.Санкт-Петербург).

Доктор философских наук, профессор – Глава (в соавторстве)

ПОСТСОВЕТСКАЯ РОССИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ США

Введение

.Мир переживает самый глубокий кризис за весь период постбиполярности. Среди формирующих его противоречий по степени остроты и масштабам влияния на международную среду одним из наиболее значимых является конфронтация между США и Россией, которую нередко определяют метафорой «вторая холодная война». Конфликт на Украине и его интернационализация стали главным драйвером российско-американского противостояния, нередко сравниваемым с Берлинским и Карибским кризисами, подводившими мир к грани ядерной войны¹.

---

¹ Проблематика конфликтности в современном мире обстоятельно освещается в отечественных исследованиях последних лет. См.: Проблемы конфликтности в современном мире. Научная жизнь //Мировая экономика и международные отношения. 2016. №6. С. 90-101; Никитин А.И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование. Учебник. М.: «Аспект Пресс», 2017. 384 с.; Мир 2035. Глобальный прогноз / под ред. акад А.А.Дынкина / ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН.- М.: Магистр, 2017. – 352 с.;Сирота Н.М. Конфликты в мировой политике. Мегатренды глобального социума. Saarbrucken, Deutschland: Palmarium Academic Publishing. 2019. 121 p.; Сирота Н.М., Мохоров Г.А. Международно-политическая конфликтность. Сб. ст. Saarbrucken, Deutschland: Lambert Academic Publishing, 2019. 76 p.

В современном мире, полном конфликтов, в качестве инструмента политики широко используется образ врага. Независимо от конкретных объектов – персон, групп, государств, он имеет шаблонную структуру, основными концептуальными составляющими которой являются: во-первых, оппозиция «свои - чужие»; во-вторых, внедряемая в массовое сознание ситуация «опасности», исходящей со стороны «чужих», наделяемых негативными характеристиками и нередко демонизируемых; в-третьих, необходимость решительных действий для противостояния «чужим».

Образ врага нередко служит целям агрессивной политики государств. Заклеймив государство как «врага», можно оправдать перед мировым сообществом применение санкций по отношению к оппоненту. Под предлогом борьбы с «врагом» во имя демократии возможна реализация имперской политики, направленной на обеспечение доминирования в глобальном или региональном измерении.

В условиях полицентризации мировой политики образ врага как инструмент воздействия на государств-соперников усложняется и подвергается трансформации. Во внешнеполитическом позиционировании Соединённых Штатов он играет важнейшую функциональную роль в консолидации американской нации применительно прежде всего к Китаю и России.

Опираясь на имеющиеся разработки отечественных учёных, прежде всего исследования Баталова Э.Я., Журавлёвой В.Ю. и Хозинской К.В. [1], Кременюка В.А. [2], Караганова С.А. [3], Самуйлова С.М. [4], Шаклеиной Т.А. [5] и др., авторы в исследовании внешнеполитической стратегии США по отношению к постсоветской России акцентируют внимание на использовании образа врага с целью дискредитации соперника. Источниковую базу главы составляют публикации известных политологов «старой школы», на протяжении десятилетий оказывающих значительное влияние на формирование внешнеполитического курса США, – Зб. Бжезинского, Г. Киссинджера, Р.

Пайпса, Г.Аллисона, М. Манделбаума, а также представителей новой генерации специалистов по России – Л. Арона, М. Макфола, Д. Саймса, С. Сестановича, В.Хэнсона и др.

Основной текст. На протяжении периода холодной войны СССР был соперником США, для дискредитации которого широко использовался образ врага. Структурирование собственного образа Америки как воплощения демократических идеалов во многом строилось на противопоставлении негативному образу СССР. После распада СССР исчез объект враждебного восприятия, на котором в существенной мере основывалась идентичность США.

В течение постбиполярного периода позиция политико-академического сообщества США в оценке образа России претерпела существенную эволюцию, отражая противоречия и коллизии становления полицентрического мироустройства, прежде всего меняющийся расклад сил в группе мировых держав, а также неоднозначные процессы в самой России. Тем не менее исходный посыл аналитиков неизменно состоял в том, что антидемократичность и агрессивность России являются её «генетическим кодом». При этом российский неоимпериализм понимается по-разному: одни эксперты делают акцент на стремлении современной России восстановить СССР, другие – попытку решить геостратегическую задачу создания собственной зоны влияния в мире.

В начале 90-х годов Россия избавилась от образа врага в глазах многих американцев и приобрела образ партнёра. В подписанной 1 февраля 1992 года президентами Дж. Бушем и Б. Ельциным Кэмп-Дэвидской декларации о новых отношениях между двумя государствами говорилось, что Россия и США не рассматривают друг друга в качестве потенциальных противников, а их отношения «характеризуются дружбой и партнёрством» [6]. Поскольку Россия воспринималась как страна, стремящаяся развиваться по демократическому пути и быть партнёром Запада, в 1994 – 1996 гг.

обсуждались вопросы финансирования экономических и политических преобразований в России.

Тем не менее даже в этот период известные аналитики рассматривали вероятность возрождения авторитарного Российского государства, обладающего значительной военной мощью и угрожающего соседям. Рекомендовалось проявлять сдержанность в оказании экономической помощи и избирательно поддерживать участников политического процесса. Для предотвращения потенциальной агрессивности со стороны России предлагалось вовлекать республики Прибалтики в европейские политические институты и структуры безопасности.

Один из ведущих геостратегов Запада Зб. Бжезинский главные задачи США видел, во-первых, в содействии становлению по-настоящему постимперской России, способной занять достойное место в концерте передовых демократических государств, и, во-вторых, в консолидации постсоветских государств с целью создания благоприятного геополитического контекста для трансформации России в постимперское государство [7]. Важнейшим условием реализации партнёрства России с Западом Зб. Бжезинский считал её отказ от имперских притязаний на постсоветском пространстве и прежде всего в прибалтийских республиках бывшего СССР [8].

В дискуссиях 90-х гг. о состоянии российско-американских отношений среди экспертов в течение первого срока президентства Б. Клинтона преобладал умеренно-либеральный подход, проявлявшийся в поддержке российских преобразований и отказе от завышенных ожиданий на их скорый успех, но в дальнейшем из-за торможения хода и темпов реформ, а также переориентации России на многовекторность внешнеполитического курса усиливались позиции тех экспертов, которые требовали принятия жёстких мер для противодействия укреплению её геополитического влияния.

По мнению многих экспертов, оказались неосуществлёнными надежды на превращение России в дружественное США государство с рыночной экономикой, которое сконцентрировало бы усилия на решении внутренних

проблем. У власти укрепились сторонники установления российской гегемонии на постсоветском пространстве и воссоздания Советской империи. В сложившейся обстановке предлагалось прекратить оказание России финансовой помощи, стимулирующей её экспансионизм.

В экспертной среде, особенно среди неоконсерваторов, были сильны опасения в связи с перспективой установления контроля России над Украиной, чьи стратегическое положение, численность населения и природные ресурсы могли бы поднять российский статус до имперского и превратить Россию в опасного конкурента Соединённых Штатов, способного расширить влияние на международные процессы. Эта точка зрения Зб. Бжезинского, представленная в книге «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы» (1998), разделялась значительной частью политического класса США.

Обеспокоенность политикой России на постсоветском пространстве выражали и те эксперты, которые оценивали её потенциал как недостаточный для восстановления былого статуса полноценного великодержавного актора. Они опасались того, что Россия, несмотря на утрату многих ключевых позиций, даже в ослабленном состоянии своими действиями будет способна оказывать дестабилизирующее воздействие на внутривнутриполитическую обстановку в соседних государствах и станет препятствием для осуществления глобальной стратегии Соединённых Штатов, следуя которой они смогут сохранить и упрочить свое исключительное положение в мире.

Сторонники поддержания партнёрских отношений с Россией, в числе которых были известные политики Дж. Кеннет, Дж. Мэтлок, С. Тэлботт, политологи Дж. Гэддис, М. Макфол, С. Сестанович, высказывались за признание в ней статуса великой державы, несмотря на ослабление позиций по сравнению с СССР. В отношениях с Россией они предлагали сочетать сдержанность и диалог, ориентируясь прежде всего на её внешнеполитическое поведение. Учёный и дипломат Дж. Кеннан, один

из создателей военно-силовой доктрины «сдерживания», утверждал, что Россия в любом формате располагает большим потенциалом к быстрому восстановлению и активной роли в мировой политике [9]. По мнению бывшего посла США в Москве Дж. Мэтлока, несмотря на ограниченность силовых и экономических ресурсов России по сравнению с СССР, её влияние в Евразии способно затормозить или даже заблокировать реализацию американских планов в регионе [10].

Эксперты либерального направления, разочарованные нарастанием авторитарных тенденций в России, даже предлагали возвести содействие развитию демократии и рыночных отношений в этой стране в ранг национальных интересов США, поскольку возрождение диктатуры вынудит их резко увеличить ассигнования на оборонные нужды. Согласно М. Макфолу, от Соединённых Штатов зависит будущее России – пополнит она западное сообщество или число стран-изгоев [11].

При сохранении декларативной приверженности части американской элиты идее стратегического партнёрства с Россией с учётом её национальных интересов на официальном уровне закреплялся курс на свёртывание этого партнёрства, превращение постсоветского пространства в сферу влияния США, утверждение силового подхода к международным отношениям. Расширение НАТО на восток путём включения в него стран Восточной Европы и Прибалтики явилось источником серьезных разногласий между Россией и США и вызвало острую полемику в американском политико-академическом сообществе¹. Россией же был взят курс на реализацию

---

¹ Г. Киссинджер, акцентируя внимание на том обстоятельстве, что Россия с позиций своего исторического опыта «... просто обязана проявлять особый интерес к безопасности на всей её обширной территории...», рекомендовал Западу «...быть очень осторожным, чтобы не приближать границы своего объединенного военного блока вплотную к России». Высказанные им суждения о содержании американского внешнеполитического курса сохраняют актуальность в современной обстановке возросшей напряжённости в отношениях между Россией и Западом: «Соединённым Штатам и их союзникам необходимо установить два приоритета в их отношениях с Россией. В первую очередь нужно постараться, чтобы к мнению России с уважением прислушивались в возникающей системе международных отношений; необходимо сделать всё для того, чтобы Россия почувствовала, что она участвует в принятии многосторонних решений, особенно касающихся её безопасности. В то же время Соединённые Штаты и их союзники должны постоянно подчёркивать – вопреки любым своим пристрастиям, - что их обеспокоенность сохранением баланса сил отнюдь не исчезла с окончанием холодной войны» (Россия в американской геополитике: до и после 2014 года (перевод с английского) / Збигнев Бжезинский, Генри Киссинджер. М.: Родина, 2018. С.156-157.

«многовекторной политики», компонентом которой было прагматическое взаимодействие с Соединёнными Штатами исходя из соображений целесообразности.

Представляется обоснованной констатация известного российского американиста Т.А. Шаклеиной: «Оценивая международное положение России и состояние российско-американских отношений, американские политологи признали, что назначение Е.М. Примакова ознаменовало собой конец *трёх великих иллюзий*:

- 1) прежних иллюзий президента Б.Н. Ельцина и министра иностранных дел А.В. Козырева, что России как великой державе будет позволено интегрироваться с миром и мировой экономикой без каких либо возражений со стороны Запада;
- 2) конец американской иллюзии, согласно которой Россия позволит без какой либо компенсации разоружить себя и отказаться от своего статуса в мировой политике;
- 3) конец европейской иллюзии о том, что разногласия в связи с расширением НАТО можно будет урегулировать как временные разногласия между друзьями» [5. С.187].

Практически все образы постсоветской России, складывавшиеся в США в 90-х гг. и окрашенные в критические, а порой и алармистские тона, тем не менее несли в себе позитивный заряд и выражали надежду на «спасение России», движущейся в «правильном», либерально-демократическом направлении и добившейся осязаемых успехов, подлежащих закреплению. Такой подход отражён в публикациях известного шведского экономиста А. Ослунда, профессора ряда американских университетов, работавшего экономическим советником правительств России, Украины, Кыргызстана в 1990-е годы [12].

В ходе предвыборной кампании президента США 2000 г. участники внешнеполитических дискуссий оценивали статус России в сравнении с США, Китаем и Индией невысоко – как великой державы, находящейся

в состоянии упадка. Вместе с тем проявлялась незаинтересованность в её дальнейшем ослаблении и тем более полном развале, который создавал бы угрозу трудно прогнозируемого изменения баланса сил в мире. В целом Россия рассматривалась как «поднимающаяся авторитарная страна», потенциально способная усложнить продвижение американских национальных интересов, используя для этого средства силового и дипломатического воздействия. По отношению к ней должна проводиться сбалансированная политика, включающая элементы соперничества и партнёрства по определённым ключевым стратегическим вопросам.

Не допуская перехода «недружественных» отношений в фазу открытой конфликтности, США при президентстве Дж. Буша-мл. (2001-2009) фактически избрали политику «избирательного сотрудничества» с Россией при одновременном давлении на нее в вопросах прав человека и во внешнеполитической сфере. Основы долгосрочной стратегии США на российском направлении были сформулированы в аналитическом докладе «Неверный путь России: что могут и должны делать США», подготовленном под эгидой авторитетного Совета по международным отношениям при участии известных политиков и экспертов, находившихся в разное время во власти или работавших с разными администрациями [13].

Основные положения доклада состояли в следующем:

1. В России проведены определённые социально-экономические преобразования, приведшие к росту экономики и финансовой стабилизации.
2. Процесс трансформации исключительно хрупок, и его результаты плохо консолидированы.
3. Возникли зачатки гражданского общества, редко наблюдавшиеся в российской истории.
4. Существуют отдельные атрибуты демократии при отсутствии демократической системы.

5. В политической сфере Россия движется в неверном направлении – к бюрократическому авторитаризму (централизация власти, всё большее удаление от европейских политических норм) [13. Р. 7, 23].
6. В долгосрочном плане Россию трудно рассматривать в качестве успешного потенциального партнёра США [13. Р.9].

Исходя из этих оценок, делается следующий вывод: реальный выбор, который стоит перед США в данный период состоит «в том, как добиться бы того, чтобы избирательное сотрудничество – а в некоторых случаях избирательная оппозиция – служили важным международным целям» [13. Р.8].

Формирующаяся политическая система рассматривалась авторами доклада как наиболее серьёзный негативный фактор в российско-американских отношениях, который делал «будущую направленность российской политики значительно менее предсказуемой» [13. Р.72]. Признавая ограниченность возможностей Запада влиять на внутривнутриполитическое развитие России, создатели концепции «избирательного сотрудничества» предложили конкретные идеи для ослабления авторитарных тенденций в российском обществе: публичные оценки положения дел в области прав человека, которые не могут игнорироваться властью; расширение контактов между обществами и неправительственными организациями обоих государств. Для повышения эффективности американской политики в отношении России предлагалось объединить усилия США и европейских государств с целью её интеграции в сообщество цивилизованных государств.

Появление доклада как концентрированного выражения позиции известных американских политиков и экспертов и его обнародование 5 марта 2006 г. в годовщину знаменитой речи У. Черчилля в Фултоне, которая считается символическим началом холодной войны, по утверждению Т.А. Шаклеиной, «закрыло последнюю страницу периода двусмысленностей и неопределённости в отношениях с Россией» [5. С. 227].

В последние годы пребывания у власти республиканской администрации Дж. Буша-мл, деградация российско-американских отношений достигла пика в ходе российско-грузинской войны (август 2008 г.), фактически явившейся первым опосредованным столкновением России и Соединённых Штатов на постсоветском пространстве.

Коллизии российско-американских отношений оказывали преимущественно негативное влияние на трансформацию образа России в сознании правящих элит США и населения страны. Во время президентства Б.Н. Ельцина и первого срока президентства В.В. Путина образ России в США улучшался или ухудшался как реакция на определённые события (политика России по отношению к Югославии и вторая Чеченская кампания, сотрудничество с США после терактов 11 сентября 2000 г., негативная оценка Россией действий США в Ираке и др.). Но с 2005 – 2006 гг. изменение образа России в худшую сторону приобрело перманентный характер.

Заметную роль в формировании отрицательного образа России сыграло разочарование Запада в векторе исторического движения России, не построившей у себя капитализм англо-американского образца и не превратившейся в «нормальную» страну, лишённую великодержавных амбиций. О неоправдавшихся надеждах американской элиты в отношении выбора Россией прозападного курса и осуществлении демократизации в 2004 г. писал патриарх американской русистики историк Р. Пайпс [14].

Согласно точке зрения, превалировавшей в США периода президентства Обамы, оптимальная стратегия в отношении «авторитарной и агрессивной» России должна сочетать избирательное сотрудничество с избирательным сдерживанием, причём ранжировать эти подходы следует таким образом, чтобы постепенно углублять сотрудничество в наиболее важных для себя областях и микшировать наиболее конфликтные проявления сдерживания². При этом

---

² Американская сторона опиралась на «подход двух треков» (dual track approach), разработанный М. Рожански и Дж. Коллинзом. Согласно этому подходу Соединённые Штаты могут сотрудничать параллельно с руководством России по конкретным международным вопросам и одновременно работать с российским обществом, общественными организациями и оппозицией, способствуя тем самым постепенным политическим преобразованиям в России. (A Reset for the U.S.-Russia Values Gap, M. Rojanski and J.F. Collins // Carnegie

предполагалось активное участие США в процессах демократизации РФ посредством проведения политики «активного взаимодействия».

Осложняющим фактором для реализации этих расчётов являлось восприятие каждой из сторон как «слабеющей» и даже «падающей» державы. Из-за выявившейся уязвимости американской экономики перед финансовым кризисом, испытываемых трудностей в Ираке и Афганистане многие российские аналитики полагали, что США вступили в период сокращения их мощи и влияния. С американской точки зрения, российская модель социально-экономического развития в период кризиса продемонстрировала очевидную неэффективность. Страна перегружена множеством проблем и теряет значимость в качестве партнёра.

Из оценки политическим классом США ситуации в российско-американских отношениях как тупиковой возникла идея их «перезагрузки», предложенная Обамой в 2009 г. Она предполагала создание некоего пространства для манёвра, который позволил бы «вынести за скобки» спорные вопросы и сосредоточить внимание на перспективных направлениях сотрудничества. Не являясь полноценной стратегией, «перезагрузка» была попыткой изменения стиля и тональности внешней политики, вовлечения в диалог кроме первых лиц обоих государств гражданских обществ, партий, аналитиков.

Иными словами, в отношении России предлагалось проводить внешнеполитический курс по формуле «партнёр-соперник, т.е. сотрудничать в тех областях, где интересы обоих государств совпадают, и продолжать соперничество в сферах их расхождения».

Эксперты либерального и реалистического направлений американской международно-политической науки, которые внесли основной вклад в инициацию политики «перезагрузки», считали неприемлемыми притязания России на создание «сферы привилегированных интересов» вблизи её границ.

Несмотря на растущее взаимное недоверие, вызванное разногласиями по проблемам ПРО, расширением НАТО, событиями в Закавказье (2008 г.) и Ливии (2011 г.), ситуация стратегической паузы сохранялась до того, как обострился вопрос о геополитической ориентации Украины.

Происходившие на Украине события явились результатом не «козней» России, а динамики политического процесса в глубоко расколотой стране и последовавшей интернационализации конфликта. Первоначально выдвигавшиеся российским руководством инициативы были умеренными и реалистическими, совпадавшими с требованиями почти половины украинского населения: закрепление внеблокового статуса государства, обеспечение его федерализации, придание русскому языку статуса второго государственного. Администрация США по существу отвергла эти инициативы, что в немалой степени предопределило трагическое развитие событий. В условиях геополитического соперничества за Украину перезагрузка была свёрнута и уступила место политике по формуле «противник-партнёр».

К концу второго срока администрации Обамы против России были введены санкции в ряде секторов экономики, развязана информационная война с использованием худших стереотипов холодной войны. Если в 1990 – 2000 годы «русский вопрос» не являлся центральным в президентских избирательных кампаниях, то в 2016 г. тема России как дестабилизатора международных отношений стала одной из главных в партийных платформах, дебатах кандидатов в президенты и выступлениях политиков.

Базовым постулатом новой стратегии национальной безопасности нынешнего американского президента Д. Трампа, более радикальной, чем стратегии Дж. Буша и Б. Обамы, является стремление Соединённых Штатов противостоять попыткам «ревизионистских» держав сформировать мир, противоречащий американским ценностям и интересам – воспрепятствовать попыткам России ослабить влияние США в мире и отделить их от союзников и партнёров, а Китая – распространить свою власть в ущерб суверенитету

других», построить «самую совершенную в мире после американской военную систему» [15].

Исходя из положений новой Стратегии национальной безопасности, США, соперничая с такими странами, как Китай и Россия, намерены в большей степени действовать самостоятельно, без оглядки на международные организации. В то же время, согласно документу, они заявляют о стремлении «изыскивать области сотрудничества с этими конкурентами с позиции силы» [15]. Обозначив Россию и Китай как своих главных стратегических противников, США тем самым фактически признали, что однополярного мира больше не существует.

Во второй половине 2010-х гг. в сознании американской политической элиты и общества оформился и в настоящее время преобладает негативный образ России, отягощённый антисоветскими стереотипами. Его основные характеристики, формулируемые такими разными по своим политическим взглядам известными аналитиками, как Л. Арон [16], М. Макфол [17], М. Манделбаум [18], Р. Пайпс [14], Г. Эллисон и Д. Саймс [19], В. Хэнсон [20], хотя и в гипертрофированной форме отражают некоторые реалии российской внутренней и внешней политики.

1. Российский политический режим в отличие от тоталитарного советского – авторитарный, персоналистский. Своими корнями он уходит в советское и досоветское прошлое, представляя собой видоизменённый вариант государственного устройства дореволюционной России. Детерминируется спецификой политической культуры населения и прежде всего подданническими ориентациями на власть, ожиданиями от неё социальных гарантий. Консервативная основа российской политической традиции, – утверждает Р. Пайпс, – проявляется в существовании самовластного государства, «в котором граждане освобождены от ответственности за проводимую политику и в котором искусственно создаются внешние враги, чтобы обеспечить единство нации» [14. Р. 4].

Режим оценивается как неререформируемый и подлежащий смене. С этой целью предлагается осуществление комплекса мер ненасильственного характера в различных сферах его функционирования, способных перенапрячь экономику и подорвать позиции. Первостепенная роль в решении этой задачи отводится использованию уязвимых мест в сфере экономики, особенно сокращению экспортных доходов.

2. Россия – экономически слабое государство, необратимо отставшее в области высоких технологий и перегруженное проблемами, неминуемо ведущими её к коллапсу или распаду. Она оценивается как «угасающая», теряющая значение держава, у которой остаются гигантские, во многом неосвоенные природные ресурсы, ядерное оружие и право вето в СБ ООН, что обеспечивает определённое влияние, не соответствующее её возможностям.

3. Российская внешняя политика ориентирована на воссоздание статуса России как великой державы, лишена комплексной стратегии и лишь реагирует на международные события. Она сконцентрирована не на социально-экономическом развитии страны, обеспечении сотрудничества в области международной безопасности и решении жизненно важных для человечества проблем, а на дестабилизации внутривосточной ситуации в соперничающих с Россией государствах, агрессии против соседних стран. В области внешней политики Россией одержаны тактические победы, которые приводят к ее изоляции.

Российская и советская империи, постсоветская Россия преемственно тяготеют к расширению пространств вследствие наличия некоего «генетического кода агрессии». Существуют две основные взаимодополняющие версии геополитического характера «российского неоимпериализма» – стремление к восстановлению контроля над пространством бывшего СССР и намерение создать собственную сферу (зону) влияния в мире как минимум на пространстве Евразии. Присоединением Крыма и поддержкой военного сопротивления в «мятежных регионах» Россией впервые после Второй мировой войны создан опасный прецедент, нарушающий

стабильность на европейском континенте и вызывающий озабоченность народов соседних государств.

Имперская составляющая в российской политике нередко проявляется и в готовности власти защищать и поддерживать соотечественников во всём мире. Мотивацией её действий служит не выполнение культурно-цивилизационной миссии в отношении людей, воспринявших русскую культуру и язык, а соображения геополитического характера – стремление присоединить к России территории, населённые русскоязычным населением.

4. Существуют различия между видением российским руководством места России в мире и её реальными возможностями. Тактические успехи в области внешней политики создают впечатление, что Россия мощнее, чем на самом деле и является глобальной державой, сопоставимой с Соединёнными Штатами. Однако существуют объективные границы для самовнушения и самопиара, обусловленные ограниченным потенциалом страны и прежде всего её долей в мировом ВВП (менее 2%) и в высоких технологиях (порядка 1%). Единственное реальное основание для претензий России на статус великой державы – ее вооруженные силы с ядерным потенциалом.

5. Партнёрство России и Китая конъюнктурно и бесперспективно, поскольку вызвано стремлением совместно противостоять США как более сильному сопернику. Взаимодействие между Китаем и Россией нередко именуется «альянсом обиженных», который пытается угрожать США [21]. Акцентируется опасность для России её восточного крена в силу несопоставимости совокупных потенциалов обоих государств и территориальных притязаний со стороны КНР, способности Китая подчинить Россию. Тем не менее высказываются опасения в отношении того, что оба государства, несмотря на имеющиеся расхождения и избегая непримиримой конкуренции, займут консолидированную позицию в важнейших вопросах мировой политики, поскольку их руководство объединяет противостояние с США и стремление к поддержанию авторитарной

стабильности в обоих государствах. Возможность возникновения российско-китайского альянса экспертному сообществу представляется маловероятной.

Таким образом, в острой международно-политической ситуации, по уровню напряженности подчас превосходящей худшие моменты холодной войны, господствующий в Соединённых Штатах образ России двойственен. С одной стороны, Россия воспринимается как великая держава, располагающая необходимым потенциалом для оказания влияния на глобальном уровне, а с другой – как угрожающая всему миру империя, невосприимчивая к демократическим формам правления.

Вышеизложенные характеристики современного интегрального образа России соответствуют сложившемуся в США традиционному имиджу как страны, пренебрегающей правами человека и в своей внешней политике движимой великодержавными амбициями. Вместе с тем этот образ политического режима России отражает не только некоторые российские, но и глобальные реалии «отката демократии» (в терминологии С. Хантингтона) – нарастание авторитарных тенденций, эрозию демократических институтов, усиление роли государства в экономике, углубление социальной дифференциации, растущий разрыв в доходах между богатыми и бедными и т.д. Рассуждения же о «российской военной угрозе» носят субъективистский характер с учётом интервенционистской практики Соединённых Штатов последних десятилетий (Югославия, Ирак), а также того факта, что Россия тратит на вооружённые силы в 20 раз меньше, чем блок НАТО, и имеет во много раз меньшие вооружённые силы [4].

Отечественный политолог С.А. Караганов резонно оценивает как неадекватность отрицание правящим классом США имперского характера этого государства – при отсутствии формальных колоний, но с 800 базами и навязыванием идеологии, внешнеполитической ориентации, единой военной системы и направления внешнеэкономических связей [4].

Рассматривая Россию как «экзистенциальную угрозу» США, американские эксперты считают необходимым оказание давления на неё

с целью способствовать трансформации в демократическое государство и воспрепятствовать воссозданию империи и (или) превращению в регионального гегемона. Провозглашается приверженность курсу на жёсткое сдерживание России объединёнными силами Запада и расширение санкций против неё, рассматриваемых как главный способ ненасильственной дестабилизации страны.

В геополитическом плане на фоне частичного отступления Америки и подъёма Китая, России предлагается сближение с Западом. Стратегия России видится экспертам не в дестабилизации западных демократий, а в совместном с Западом обеспечении балансирования Китая. Стремясь ослабить и разделить Европу, поощряя рост популизма, Россия, по их мнению, играет на руку Китаю вопреки собственным интересам. Чтобы противостоять Китаю, представляющему для России серьёзную угрозу в долгосрочной перспективе, ей следует стремиться нормализовать отношения с Европой и США.

С позиций Realpolitik эксперты рекомендуют администрации Трампа проводить такую политику в отношении России, которая обостряла бы противоречия между ней и Китаем, поддерживала между ними состояние напряжённости. В интересах США предлагается ограничивать взаимодействие между Китаем и Россией, а в глобальной стратегии искать поддержку России. При всей остроте противостояния с Россией США более озабочены сдерживанием Китая и не желают её вассализации азиатским гигантом. В ряде публикаций высказывается мысль о возможности создания американо-российского альянса для сдерживания Китая. Симптоматичен совет известных экспертов Г. Эллисона и Д. Саймса администрации в рамках треугольника «США-Китай-Россия» воспользоваться формулой «враг моего врага – мой друг». Апеллируя к опыту антигитлеровской коалиции периода Второй мировой войны и дипломатическому манёвру Никсона-Киссинджера начала 70-х гг. для ослабления и подрыва российско-китайского партнёрства они следующим образом формулируют свою позицию: «Если определяющим

вызовом национальным интересам США в 21 веке оказался растущий Китай, то предотвращение появления китайско-российского союза должно стать ключевым приоритетом США. Чтобы убедить Россию сесть на американскую сторону качелей баланса сил, американским политикам потребуется существенно пересмотреть свои стратегические цели в отношении с Москвой» [19].

Восприятие России как страны, живущей в мире неоимперских представлений и готовой ради усиления геостратегических позиций нарушать территориальную целостность соседних государств и нормы международного права, представляет собой концептуальную базу, на которой строится внешнеполитическая стратегия Запада по отношению к ней. Вместе с тем в экспертной среде имеются существенные различия в оценках исходящей от неё угрозы для граждан страны и мира в целом. Влиятельные аналитики, критикующие внешнеполитический курс Российской Федерации, заявляют о своём стремлении к диалогу с ней для сохранения мира и намерены искать компромиссные решения наиболее значимых проблем. В дискуссиях об экономических санкциях как инструменте давления на российскую власть они занимают сдержанную позицию, нередко высказывая сомнения в их эффективности.

При очевидном преобладании ангажированных подходов американского политико-экспертного сообщества к России и её роли в современном мире известные аналитики видят в снижении остроты соперничества России и Запада важнейший фактор нейтрализации глобальных вызовов, формирования устойчивого полицентрического миропорядка, основывающегося на безусловном уважении суверенитета и территориальной целостности государств.

На наш взгляд, реалистично и продуктивно видение современного состояния российско-американских отношений и путей их нормализации, изложенное в публикации гуру международно-политической науки, бывшего госсекретаря США Г. Киссинджера. В обстановке беспрецедентных масштабов

вакуума власти и глобальных угроз, по его мнению, «долгосрочные интересы США и России требуют, чтобы мир превратил нынешнюю турбулентность и переменчивость в новое равновесие, которое будет всё более многополярным и глобализованным» [22].

Исходный посыл Г. Киссинджера – для преодоления неуправляемости в мире «...требуется устойчивое сотрудничество между Соединёнными Штатами, Россией и другими ведущими державами. Следовательно, элементы соперничества при разрешении традиционных конфликтов в межгосударственной системе необходимо сдерживать, чтобы это соперничество оставалось в определённых рамках и создавало условия, препятствующие рецидивам» [22].

Наиболее актуальные проблемы современного мира – украинская и сирийская представляются Г. Киссинджеру выражением более масштабной стратегической проблемы глобальной нестабильности и поиска путей её преодоления. Украину, согласно его рекомендации, необходимо встроить в структуры европейской и международной безопасности таким образом, чтобы она стала мостом между Россией и Западом, а не сторожевой заставой той или иной стороны. Что касается Сирии, где местные и региональные группировки самостоятельно не смогут найти решение проблемы, то согласованные российско-американские усилия, осуществляемые во взаимодействии с другими ведущими державами, могли бы создать образец мирного урегулирования для Ближнего Востока, а, возможно, и для других регионов.

Продуктивны и высказываемые Г. Киссинджером соображения общего характера: «...В возникающем миропорядке Россию следует воспринимать как ключевой элемент нового глобального равновесия, а не как угрозу Соединённым Штатам. ...Нашим странам и народам нужны более прочные перспективы» [22].

Для достижения этих целей Г. Киссинджер заявляет о себе как стороннике диалога, «... который сольёт воедино наше будущее, а не будет усугублять

наши конфликты», и считает его возможным. Необходимым условием успешности такого диалога он считает взаимное уважение обеих сторон к жизненно важным ценностям и интересам друг друга. По его мнению, стоящие перед Соединёнными Штатами и Россией проблемы можно решить только в том случае, если они «...проявят готовность перешагнуть через свои обиды и недовольства, перестанут думать, что их обманывают и преследуют, и ответят на те масштабные вызовы, которые угрожают нашим странам в предстоящие годы» [22].

Не лишено резона мнение известного американского политолога Зб. Бжезинского об оптимальном выборе Россией места в формирующемся миропорядке: «...Будущее России зависит от её способности стать важным и влиятельным национальным государством в составе объединяющейся Европы. Если этого не произойдёт, то это крайне негативно скажется на способности России противостоять растущему территориально-демографическому давлению со стороны Китая, который проявляет всё большее стремление (по мере роста своей мощи) аннулировать «неравноправные» договоры, навязанные Пекину Москвой в прошлом» [23].

Ситуацию во взаимоотношениях между Россией и Западом вряд ли удастся нормализовать быстро и в существенной степени в зависимости от хотя бы частичной стабилизации обстановки на Украине. Возрастает потребность в прагматизации и инструментализации отношений Россия – Запад, в создании действенного многостороннего механизма раннего предупреждения и урегулирования кризисов. Ряд долговременных факторов создают потенциальные возможности для восстановления сотрудничества между Россией и Западом – потребности глобальной экономики в интернационализации мирохозяйственных связей и наличие обширной общей повестки дня по актуальным проблемам (гонка вооружений, терроризм, бедность, неграмотность, голод, болезни, неуправляемая миграция и т.д.).

Справедливо утверждение Г. Киссинджера о том, что «долгосрочные интересы США и России требуют, чтобы мир превратил нынешнюю

турбулентность и переменчивость в новое равновесие, которое будет всё более многополярным и глобализованным». Для стабилизации обстановки в мире, полагает он, «любые попытки улучшить отношения обоих государств должны сопровождаться диалогом о зарождающемся новом мировом порядке». В центр этого диалога Г. Киссинджер рекомендует поставить следующие вопросы. Какие тенденции разрушают старый порядок и формируют новый? Какие вызовы эти изменения бросают российским и американским национальным интересам? Какую роль каждая из стран хочет играть в формировании этого нового порядка, и на какое положение в нем они могут рассчитывать? Как нам состыковать очень разные идеи о мировом порядке, которые появляются в России, США и других крупных странах на основе их исторического опыта? Цель диалога, согласно Г. Киссинджеру, «должна заключаться в том, чтобы разработать стратегическую концепцию российско-американских отношений, в которой можно преодолеть пункты противоречий» [22].

Важным средством достижения Россией своих внешнеполитических целей должно служить формирование благоприятного имиджа, построенного вокруг идеи движения вперёд и развития, а не призывов к консервации статус-кво или возвращения в прошлое, будь то советское или досоветское. Тем более, что это прошлое далеко не всегда было привлекательным для собственного населения и для других государств, особенно соседей.

Будущий образ России будет зависеть от реализации её инновационного потенциала, способности сочетать открытость к глобальным вызовам с бережным отношением к национальной культуре и традициям. Главная проблема международного имиджа страны – это сама российская действительность.

Россия располагает необходимыми геостратегическими позициями, экономическим, ресурсным и интеллектуальным потенциалом для обретения себя в качестве державы, способной оказывать влияние на глобальном уровне. Представляется, что для эффективного выполнения ею этой роли необходимо:

- преодолеть сопротивление энергетической и сырьевой олигархии перераспределению доходов в пользу инновационной стратегии развития страны;
- осуществить комплекс мер для реформирования страны (обеспечение прав человека и разделение властей, создание современных общественных институтов, внедрение состязательности в политические процессы и др.);
- ускоренно формировать средний класс и полноценное гражданское общество как социальную базу для инновационного развития;
- формировать российскую идентичность как основывающуюся на отечественных и европейских ценностях;
- найти оптимальные пути и способы органичного сочетания рыночной экономики, политической демократии с историческими традициями отечественной государственности и социальности;
- обеспечить динамичное развитие Сибири и Дальнего Востока, жизненно важное для сохранения международного статуса и суверенитета;
- избавиться от стереотипов антизападничества и антиамериканизма, используя ресурсы «умной силы» для обеспечения позитивного восприятия России в мире.

Выводы

1. Образы врага, сформировавшиеся во времена «холодной войны» как в США, так и в СССР, трансформировались под воздействием новых реалий и в модифицированных формах сохраняются в условиях постбиполярности. Радикальные изменения образов обоих государств в сторону их улучшения могут быть результатом серьёзных сдвигов в США, России и в мире.

2. Образ постсоветской России в сознании правящей элиты США эволюционировал от позитивных представлений о стране, основной тенденцией развития которой является движение к демократии, к негативному образу страны авторитарной, движимой великодержавными амбициями. Главные факторы, способные повлиять на трансформацию международного образа

России в позитивном направлении, – это качественное преобразование российского общества, укрепление позиций страны в мировом сообществе.

3. Как и в эпоху холодной войны, в период постбиполярности отношения между США и Россией развиваются преимущественно в рамках конфликтно-конфронтационной парадигмы, сохраняют глобальное измерение и носят порядко-образующий характер. Их содержание и формат взаимодействия оказывают существенное влияние на мегатренды мировой политики и обстановку в отдельных регионах и отдельных государствах. Взаимовосприятие ведущих центров силы в категориях «свой-чужой», «друг-враг» опасно не только для них самих, но и мирового сообщества в целом.

4. В основе глобальной стратегии США, включая её советско-российское направление, лежит идея «избранности» и «явного предназначения» американской нации. Исходя из этой идеи, на разных этапах развития страны и международных отношений строилась её внешнеполитическая деятельность, которая в целом носила наступательный и нередко агрессивный характер. В настоящее время правящая элита Америки стремится не допустить (или отдалить во времени) превращение Китая в сопоставимого с Соединёнными Штатами соперника и предотвратить обретение Россией статуса сверхдержавы. По мере роста могущества Китая в восприятии американской элиты он всё больше будет замещать Россию в качестве врага Соединённых Штатов.

5. Наличие сфер совпадения интересов и сотрудничества США и России рано или поздно поставят оба государства перед необходимостью возврата к политике «партнёр-соперник».

Литература и источники

1. Баталов Э.Я., Журавлёва В.Ю., Хозинская К.В. «Рычащий медведь» на «диком востоке» (Образы современной России в работах американских авторов: 1992 – 2007). М.: РОССПЭН, 2009. 384 с.
2. Кременюк В.А. Уроки холодной войны. М.: «Аспект Пресс», 2015. 320 с.

3. Караганов С.А. Предсказуемое будущее? Как самообман подменил серьезный анализ // Россия в глобальной политике. 2019. №2. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/Predskazuemoe-buduschee-20033> (дата обращения: 04.03.2019)
4. Самуйлов С.М. О кардинальном изменении политики США в отношении России // США-Канада: экономика, политика, культура. 2015. №1. С.21 – 38.
5. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017. 336 с.
6. Кэмп-Дэвидская декларация президента Буша и президента Ельцина о новых отношениях // Российская газета. 1992. 3 февраля.
7. Brzezinski Zb. The Cold War and Its Aftermath. Foreign Affairs. 1992. Fall. Vol.71. No 4. pp. 31-49.
8. Brzezinski Zb. The Great Transformation. The National Interest.1993. Fall. No.33. pp. 3-13.
9. Kennan G.F. On American Principles. Foreign Affairs. 1995. March /April. Vol.74. No 2. pp. 116-136.
10. Matlock G.Ir. Dealing With a Russia in Turmoil. Foreign Affairs. 1996. May /June. Vol.75. No 3. pp. 38-51.
11. McFaul M. Getting Russia Right. Foreign Policy. 1999-2000. Winter. No 117. pp. 58-71.
12. Ослунд А. Строительство капитализма: Рыночная трансформация стран бывшего советского блока. Пер. с англ. Н.А. Раневой, А.И. Молоканова. Под ред. И.М. Осадчей. М.: Логос, 2003. 720 с.
13. Russia`s Wrong Direction: What the United States Can and Should Do. Report of an Independent Task Force. Council on Foreign Relations. N.Y., 2006. 84 p.
14. Pipes R. Flight from Freedom: What Russians Think and Want. Foreign Affairs. 2004. Vol.83. №3. May/June. pp. 9-15.
15. National Security Strategy of the United States of America December 2017. [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://nssarchive.us/wp-content/uploads/2017/12/2017.pdf> (дата обращения: 05.03.2018).

16. Aron L. Are Russia and China Really Forming an Alliance? The Evidence Is Less Than Impressive. Foreign Affairs. April 4, 2019. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-04-04/are-russia-and-china-really-forming-alliance> (Accessed: 19.06.2019).
17. McFaul M. Why Vladimir Putin is a terrible strategist. Washington Post. Available at: https://www.washingtonpost.com/opinions/2018/12/17/why-vladimir-putin-is-terrible-strategist/?utm_term=.375a6541f876 (Accessed: 17.12.2018).
18. Mandelbaum M. The New Containment. Handling Russia, China, and Iran. Foreign affairs. March/April 2019. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-02-12/new-containment> (Accessed: 10.05.2019).
19. Allison G.T. and Simes D. A Sino-Russian Entente Again Threatens America. The Wall Street Journal, January 29, 2019. Available at: <https://www.wsj.com/articles/a-sino-russian-entente-again-threatens-america-11548806978> (Accessed: 03.02.2019).
20. Hanson V. A New Era for the China-Russia-U.S. Triangle. National Review. October 11, 2018 <https://www.nationalreview.com/2018/10/a-new-era-for-the-china-russia-u-s-triangle/> (Accessed: 03.11.2018).
21. Marsh Ch. Russia Sees Its Future in China and Eurasia. National Interest. April 22, 2019. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/russia-sees-its-future-china-and-eurasia-53702> (Accessed: 05.05.2019).
22. Kissinger's Vision for U.S.-Russia Relations. The National Interest February 4, 2016. Available at: <https://nationalinterest.org/feature/kissingers-vision-us-russia-relations-15111> (Accessed: 21.07.2018).
23. Brzezinski Z.K. Toward a Global Realignment. The American Interest. 17.04.2016. Available at: <https://www.the-american-interest.com/2016/04/17/toward-a-global-realignment/> (Accessed: 08.10. 2016).